

С.ЧЕННЫК (Г.СИМФЕРОПОЛЬ)

МИНСКИЙ ПЕХОТНЫЙ ПОЛК В СРАЖЕНИИ НА АЛЬМЕ

20 сентября 1854 года

Несмотря на явную очевидность факта поражения русских войск в Альминском сражении, некоторые детали событий 20 (8) сентября 1854 г. до сих пор вызывают вопросы. К таковым можно отнести действия Минского пехотного полка, защищавшего левый фланг русской армии.

Первое, не считая кратковременной стычки на реке Булганак, полевое сражение Крымской кампании между союзными англо-франко-турецкими войсками и русской армией под командованием генерал-адмирала князя А.С.Меншикова произошедшее 20(8) сентября 1854 года на р.Альме, с полной уверенностью можно отнести к одному из наименее изученных событий русской военной истории. К сожалению, в этот ряд на сегодняшний день, можно поставить всю Крымскую войну.

Подобное положение дел, вызванное определенными субъективными и объективными причинами, во главе которых, как это часто бывает в русской (и не только) истории, стояли (и стоят) политические, придворные интриги, личные интересы, привело к тому, что детальное изучение сражения постепенно заменялось его лубочным описанием. А русскому лубку всегда свойственно истинных героев оставлять в тени, а виновных в поражении возводить в ранг «спасителей отечества».

Как ни парадоксально, не смотря на то, что Альминское сражение многократно освещалось в отечественной и зарубежной историографии, бросается в глаза явное не соответствие фактам, здравому смыслу и отсутствие логики в некоторых его деталях, присутствующее у многих авторов.

Эти очевидные ошибки, ставшие со временем харизматическими, до наших дней кочуют из исследования в исследование. К наиболее популярным современным соображениям таковых, можно отнести работу севастьяпольского краеведа В.Шавшина «Альминское сражение. 8(20) сентября 1854 года» изданную несколько лет назад, содержание которой ничего общего с самим сражением не имеет. Я не буду останавливаться на них. Надеюсь, что они достаточно подробно отражены в книге «Альма. 20 сентября 1854», недавно вышедшей в свет. Но все же хочу обратить внимание читателей, что почти все известные описания сражения сведены к восторгам от отчаянной штыковой атаки Владимирского пехотного полка, совершенно справедливо названной А.Свечиным «бессмысленной». В тоже время не менее интересные и более значительные детали оставались (и остаются до настоящего времени) без внимания.

Поводом, равно как и основным источником для этой работы, стала статья «Альминское сражение» опубликованная в 1874 году журнале «Военный сборник». Ее автор, полковник Ф.И. Приходкин, сын бывшего командира Минского пехотного полка полковника И.Приходкина, не только очевидец, но и непосредственный участник сражения. При Альме он был подпоручиком, полковым жалонерным

офицером. Немаловажно, что это, очевидно, единственный из офицеров полка, оставивший письменные воспоминания.

От иных статью отличает высокий профессионализм автора и полное отсутствие эпитетов, имеющих свойство больше запутывать суть, чем помогающий ее осмыслить. Это беспристрастный профессиональный анализ происходившего, собравший воедино фактический материал, свидетельства других участников, в том числе и с противоположной стороны, систематизированный по времени и месту событий. Работу выгодно отличает знание автором основ военного искусства, умение точно излагать суть происходившего, не давая места положительным или отрицательным эмоциям, которыми изобилуют прочие труды. Большое количество информации о действиях Минского полка содержат воспоминания офицера Московского пехотного полка Владимира Бейтнера, дополняющие Приходкина.

Такой военной аналитики не достает академику Е.В.Тарле, допустившего в своем сочинении «Крымская война» столь очевидные ошибки, что их просто невозможно не заметить. Отдавая должное фундаментальности и энциклопедичности, сочинения Е.В.Тарле, признаем, что оно содержит массу неточностей, касающихся описания хода Альминского сражения. Это можно объяснить политической и личной ситуацией, в которой находился автор на момент выхода в свет его труда. Одно лишь его утверждение о том, что основная тяжесть боя легла на Брестский и Белостокский полки говорит о многом. Но на этом мы остановимся ниже.

В сборнике «Описание обороны города Севастополя» изданном в 1871 г. под редакцией генерал-адъютанта Э.Тотлебена присутствует разбор Альминского сражения. В тоже время, Тотлебен опирался не на собственное видение происходившего, а на рассказы участников, не всегда объективно рисовавших события.

Своеобразно сделан анализ психологических причин поражения русской армии при Альме С.Гершельманом в журнале «Военный сборник» в 1874 году. Массу неточностей содержат «Материалы для истории Крымской войны» Н.Дубровина и использовать их излишне.

Отдельно нужно упомянуть книгу британского историка и писателя, очевидца сражения А. Кинглейка «Вторжение в Крым». Этот не более чем панегирик лорду Раглану настолько принижает роль французов, что использовать его нужно очень и очень осторожно. Кристофер Хибберт, автор книги «Крымская кампания 1854-1855 гг.», хоть и

Каска солдатская образца 1844 г. (Россия)

критикует иногда Кинглейка, в основном придерживается его взглядов.

К сентябрю 1854 года Минский пехотный полк, входивший в состав 1-й бригады (генерала фон Моллера) 14-й пехотной дивизии (второй полк бригады - Волынский полковника Хрущева), был укомплектован по штату 1840 года, согласно которого должен насчитывать в своих четырех батальонах 2320 человек. Однако, правильнее будет считать его численность не превышающей 2000-2100 человек. Отсутствие полного числа личного состава стало бичом русской армии в Крыму. И дело даже не в боевых потерях. По воспоминаниям князя Урусова: «Офицеры произвольно прикомандировывали к себе строевых, как и сколько заблагорассудится; командиры утопали в роскоши. Дрались вообще превосходно, но все ли дрались, все ли выходили в строй? Теперь сделается, может быть, понятным почему на Альме не было войска, под Инкерманом опять не было...».

Солдаты полка, не смотря на довольно жаркий день, во время боя были одеты в шинели с подоткнутыми полками. Спорным остается вопрос - были ли на них в качестве головного убора каски, принятые в армии с 1844 года, или они были в легких фуражных шапках-бескозырках? Вероятнее всего, что каски все же не были оставлены на одном из складов во время перехода в Крым, как это стало делаться во время дальнейшей кампании, или сданы в обоз при расположении на позиции. Потому облик солдата и офицера Минского полка в Альминском сражении должен ассоциироваться с наличием неудобной кожаной каски на его голове.

Полк прибыл на место расположения русской армии из Севастополя в район между реками Альма и Кача 1 сентября 1854 года вместе с легкой № 4 батареей 14-й артиллерийской бригады.

Само расположение полка на позиции представляет тему для отдельной дискуссии. Нет смысла втягиваться

в нее в масштабе одной статьи, хотя некоторые детали все же требуют того, что бы задержать на них внимание читателя.

Один из батальонов полка - 2-й (подполковника Раковича), еще с 4 сентября находился в районе деревни Аклесс «для наблюдения за подъемами с моря на нашу позицию». Удаленность от берега моря составляла 600-700 метров (около версты - Э.Тотлебен), от Альмы - более или около 1,5 км. Застрельщиков полк не выставлял и, согласно его задаче, в этом не было необходимости.

Многие исследователи ошибочно считают 2-й батальон единственным, находившимся на левом фланге русской позиции, и безосновательно упрекают А.С.Меншикова в том, что он не обеспечил его надежное прикрытие, позволив французам совершить обход.

Внимательный анализ позволяет утверждать, что левый фланг русской позиции занимал Московский полк. Осмысленно уступая противнику почти трехкилометровый участок от побережья, русский главнокомандующий, прежде всего, добивался того, что, нанося фланговый удар, противник втянется на плато. После этого он будет вынужден двигаться под огнем артиллерии, неся значительные потери, превратив, эффективные фланговые атаки, в сомнительные и жертвенные лобовые, которые, «...благодаря действию картечи мало опасны для артиллерии», что тоже не совсем приятно. Как показали последующие события, так оно и произошло.

В подтверждение этого можно привести мнение С.Гершельмана, утверждающего, что «выставление одного батальона к деревне Аклес мы считаем за меру наблюдения за доступами с моря в тыл нашей позиции, а не за участком левого фланга нашей позиции». Существует еще одна точка зрения. Она ставит под сомнение то, что Минский полк находился в резерве. В истории 125-го пехотного Курского полка, сформированного из резервных батальонов Минского полка в 1863 году, описываются действия минцев в

Крымской кампании, в том числе и при Альме.

Ее автор, подполковник А.Рудницкий, утверждает, что «...В сражении 8 сентября 1854 г. на р. Альме Минский полк, в составе 4-х действующих батальонов, был расположен на левом фланге Альминской позиции у селений Аклес и Орта-Кисек.» Однако, учитывая не совсем научный характер издания, которым является Памятка, предназначенная для нижних чинов полка, эта версия весьма и весьма сомнительна, хотя и французы, в отличие от англичанина Кинглейка, небезосновательно считают, что Минский и Московский полки составляли левый фланг русской позиции. Но их мнение основано на том, что в ходе сражения именно эти два полка противостояли им.

Остальные три батальона (1, 3 и 4-й) находились в главном резерве у дороги, ведущей из Евпатории в Севастополь, вместе с Волынским пехотным полком полковника Хрущева, легкой № 5 батареей 17-й артиллерийской бригады и кавалерией (гусарская бригада генерал-майора И.А. Халецкого - герцога Саксен-Веймарского и Лейхтенбергский гусарский полк с конной легкой № 12 батареей). Удаление резервов от Альмы было не менее 3-3,5 км, от берега моря почти 4 км.

Вполне вероятно, назначая главный резерв, генерал-адмирал Меншиков выделил в него не конкретно Минский и Волынский полки, а в полном составе бригаду генерал-майора Моллера, как цельную боевую единицу. Изначально, считаясь резервным, Минский полк не подчинялся командующему левым флангом русской армии генералу Кирьякову, командиру 17-й дивизии, и мог вступить в действие только по личному приказу князя А.С. Меншикова.

Авторы, писавшие и пишущие о сражении, совершенно по-разному определяют время начала и окончания боя, и, соответственно, его продолжительности. Я не считаю этот вопрос существенным, ибо само сражение являлось частью масштабной военной операции, когда более важным является результат, чем затраченное на его достижение время.

20 сентября интенсивная деятельность в лагере союзников началась с рассветом. По согласованному накануне британским и французским главнокомандующими, лордом Рагланом и маршалом Сент-Арно, плану, движение 2-й французской дивизии генерала Боске (бригады генералов Буа и Отамара) и турецких батальонов генерала Юсуфа (кроме двух, оставленных в резерве) должно было начаться в 6.30 (в некоторых источниках - в 5.30) вдоль морского берега. Спустя час, одновременно с британскими войсками, должны были выступить 1-я дивизия Канробера (бригады генералов Винуа и Бурбаки), 3-я принца Наполеона (бригады генералов Тома и Моне), несколько позднее 4-я дивизия генерала Форэ (бригады генералов Ореля и Лурмеля), составлявшая резерв. Расстояние от лагеря союзников до берега Альмы составляло 5-6 км (6 верст, по утверждению С. Гершельмана). Скорость движения союзников, учитывая усталость войск, не превышала 3 км/час. Таким образом, это расстояние они могли пройти за 1,5-2 часа. Однако к назначенному времени, когда дивизия Боске начала движение, в лагере британцев не было никаких признаков готовности к действиям.

Полковник Трошю, адъютант маршала Сент-Арно, выразил свое удивление по поводу происходящего лорду Раглану, но получил от последнего исключительно вежливый ответ, повергший француза в изумление своей мотивацией. Его смысл заключался в том, что союзная армия не может начать движение по причине крайней измотанности

личного состава, не подготовленной охраны обоза от возможной атаки казаков и отсутствия половины 4-й дивизии с частью кавалерии.

Тем временем батальоны Боске вместе с турками продолжали движение, остановившись только перед самой Альмой, вняв просьбе генерала Канробера не продолжать движение, переданной капитаном Ренсоном. Используя вынужденную паузу, командир дивизии провел дополнительную рекогносцировку и через час ясно видел два возможных пути выхода во фланг русской позиции, которыми решил воспользоваться.

Первый из них, более сложный, находился непосредственно возле впадения Альмы в море, в котором она была несколько шире, но значительно мельче и имела наносной песчаный остров. На правом берегу отчетливо просматривалась тропа, вполне доступная для прохода пехоте, не смотря на свою крутизну и более чем 50-метровый, почти вертикальный, подъем. Это направление было отдано бригаде генерала Буа. Причем, по первоначальному плану Боске, артиллерия должна была также подняться по этому склону.

Второй подъем находился в районе брода у разрушенной деревни и, по всей видимости, использовался местными жителями как проселочная дорога. Он был проходим не только для пехоты, но и для артиллерии. Его длина была около 1000 метров. Он проходил по дну оврага называемого Улуккульским. Это направление получила бригада Отамара, с которой двигался сам Боске со своим штабом.

Русская сторона встретила подходивших противников тишиной, насторожившей генерала Боске. По его приказу батальон 3-го зуавского полка выдвинулся к виноградни-

Слева направо: В.П. Кондратьев, подполковник, командир легкой №4 батареи 17-й артбригады. А.Е. Ракович, подполковник Минского пехотного полка

кам на западной окраине деревни Альматамк и произвел их разведку. Русских там не обнаружили, ближайшие стрелки были отдалены от французов почти на километр, находясь непосредственно Альматамке и восточнее его. Командир батальона зуавов по собственной инициативе начал подъем по дну Улуккульского оврага. Достигнув вершины, он развернул цепь.

Первые трудности возникли у Буа. Дно реки оказалось настолько заиленным, что было непроходимо для артиллерии и перетащить через нее пушки не представлялось в этом месте возможным. Дабы не остаться в ходе боя без орудий, Буа отправил свои пушки к бригаде Отамара, уже переправившейся через Альму, рассчитывая, что они выйдут к нему, поднявшись возле Альматмакского маяка. С целью ускорения движения батарей, Боске приказал саперам капитана Роле подготовить скаты реки, оборудовав

пологие спуски. Кстати, решение оказалось своевременным, позволив в ходе сражения французам значительно облегчить и, самое главное, ускорить подход батарей.

Приблизительно между 12 и 12.30 (по утверждению Герена), а, возможно, несколько раньше, все силы дивизии Боске, исключая артиллерию, были на плато. Остальные части союзников были готовы к началу марша только к 9.30, начав его около 10 часов. Русские авторы дают время начала движения англо-французского контингента в 9 часов. При начале действий в 11.00 или 11.30 пехота Боске смогла бы выйти на плато только через 2-2,5 часа, то есть к 13.30-14 часам, однако в это время вся дивизия и турецкие батальоны были на плато, где уже шел упорный бой.

Все происходило без единого выстрела со стороны русских, которые, казалось, продолжали в полной пассивности наблюдать за происходящим. У французов возникло ощущение, что они застали их врасплох. «Кажется, эти господа не хотят с нами драться», - весьма часто цитируемая фраза генерала Боске, произнесенная им в это время.

До этого данные во всех источниках, касающихся Альминского сражения совпадают почти полностью, но вот после того, как пехота Боске оказалась на плато у мыса Луккул, начинается откровенная путаница. Часть авторов утверждает, что командир 2-го батальона Минского полка подполковник Ракович первым увидел французов и «начал дело». На одной из иллюстраций даже запечатлено, как русские солдаты пытаются штыками сбросить зуавов с прибрежного откоса, а подполковник Ракович, почему-то облачившись в униформу, введенную после 1855 года, пытается отбить у зуава, который никак не мог появиться перед фронтом его батальона, разве что, заблудившись, батальонное знамя. При этом знамя гордо реет по ветру (в безветренный день!), вместо того, что бы быть зачехленным, как это было 8 сентября 1854 года.

Единственный из русских авторов, который, утверждая, что «...до перехода реки французы не могли быть на возвышенности, и подполковник Ракович не мог их видеть», полностью опровергает версию о том, что 2-й батальон Минского полка первым начал сражение, является полковник Приходкин. Французские историки тоже во многом солидарны с мнением сына командира Минского полка.

Вообще вокруг подполковника Раковича и его роли в сражении творятся самые невероятные вещи. Заметно стремление командира 2-го батальона возвеличить свою, как покажет ход дальнейших событий, весьма рядовую роль, до роли первого лица на сцене спектакля, разыгравшегося на альминских высотах в сентябре 1854 года. Тут и «спасающий знамя», и «первый заметивший неприятеля» и «первый начавший дело». Этот образ проник во все отечественные издания, посвященные и Крымской войне и Альминскому сражению, вызывая раздражение у других участников.

Спустя несколько лет после окончания Крымской войны в русской военной печати неоднократно давался отпор разного рода авторам, пытавшимся приписывать себе те или иные героические деяния, совершенные ими

в кампании. Как пример, можно привести статью генерал-лейтенанта Гана, опубликованную в журнале «Военный сборник» в 1872 году, где он крайне резко отзывается об опубликованной годом раньше в этом же издании статьи Корвин-Павловского «Из воспоминаний севастопольца», изобличая последнего в откровенной лжи.

Аналогично поступил и полковник Ф.Приходкин, опровергнув подполковника Раковича, назначенного после сражения командиром Владимирского пехотного полка. Очевидно, это продвижение по службе в прославившем себя полку, обласканном высочайшими персонами, и способствовало созданию упомянутых легенд. Следует признать, что при Альме батальон Раковича был не хуже и не лучше чем остальные три батальона полка. Он отлично действовал против турок, и единственные претензии к его командиру могут быть предъявлены лишь в части возвеличивании значения личного участия, затмевающего роль остальных офицеров, в том числе и полкового командира.

Более соответствует истине, что первыми выдвигание неприятельских колонн заметили генерал Кирьяков, находившийся утром 20 сентября на позиции Тарутинского полка - в самом центре позиции в районе Телеграфной

высоты, вместе с начальником артиллерии русской армии генерал-майором Л.С.Кишинским, находившимся там же на наблюдательном пункте. Это произошло примерно в 9-9.30 утра, но не вызвало никакой суеты в действиях князя А.С.Меншикова, как часто утверждают некоторые отечественные и зарубежные авторы.

Подтверждение тому - «Материалы по истории Донской артиллерии», составленные В.М.Калининым и изданные в Новочеркасске в 1907 году, включающие записки офицера батареи, поддерживавшей Минский полк на Альме. В них достаточно подробно показано происходившее в районе Телеграфной башни, где был оборудован наблюдательный пункт генерала Л.Кишинского и сто-

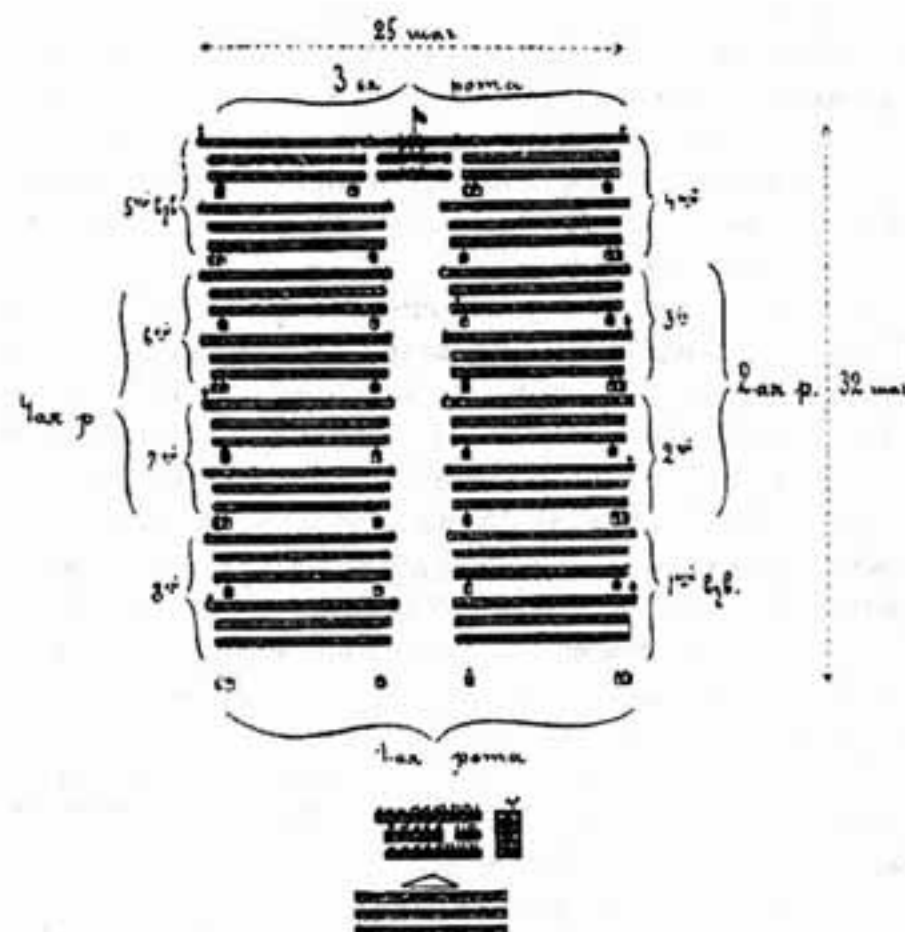
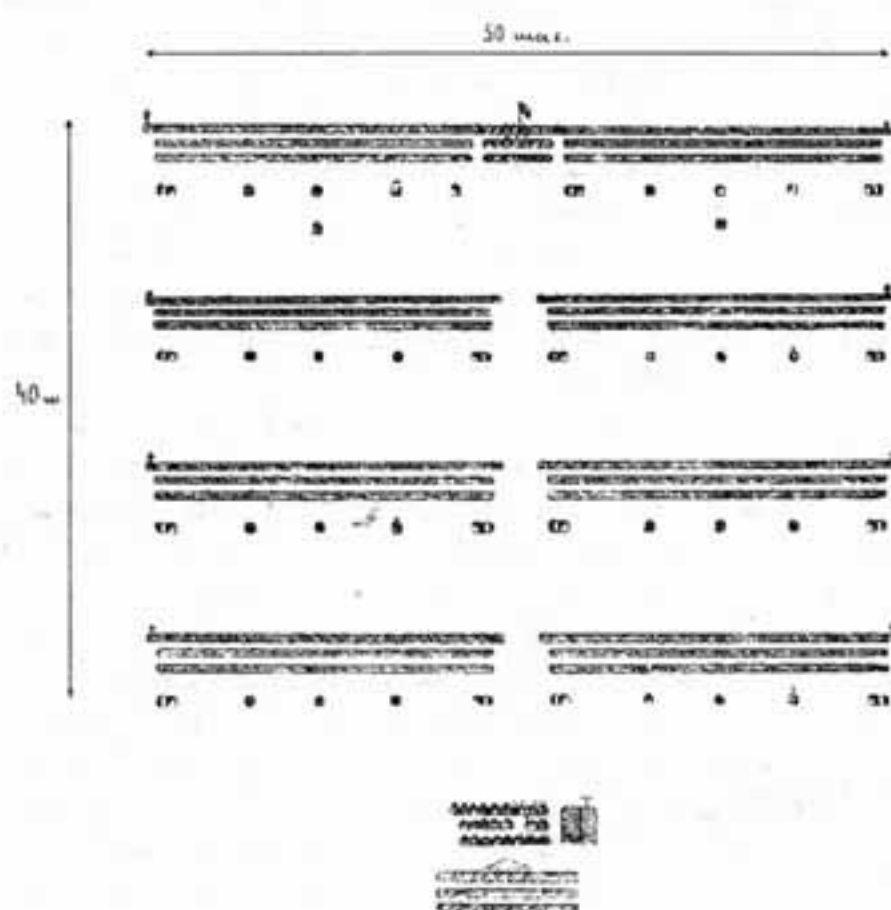

Генерал-адмирал князь А.С. Меншиков, главнокомандующий русской армией в Крыму

яли оптические приборы для наблюдения. Как утверждает автор, с момента обнаружения выдвижения неприятеля до отдания первых приказаний в управлении сражением не было ни малейшего намека на неадекватность ситуации в распоряжениях Меншикова.

Иначе и не могло быть, ибо все происходящее совпадало с предполагаемыми действиями неприятеля, входившего в пространство, незанятое русскими войсками, находившимися вне простреливаемого корабельными орудиями пространства. Французы были вынуждены двигаться по совершенно открытой местности под огнем русской артиллерии, чего добивался главнокомандующий.

Привыкшие огульно критиковать Меншикова за не укрепленный им левый фланг, современные исследователи в своем большинстве или невнимательно читают сборник Э.Тотлебена, или просто не вникают в смысл. Хотя последний достаточно ясно говорит о том, что левый фланг русской позиции «...не мог быть примкнут к берегу, потому что иначе войска подверглись бы огню с неприятельского флота». В этом месте необходимо еще раз вернуться к вопросу о расположении Минского и Московского полков.

Варианты построений русской пехоты, использованных в сражении на р. Альме

а) Батальон в густой полуживой колонне из середины

б) Батальон в колонне к атаке

Открытый левый фланг, о котором неприятель знал, действительно провоцировал французов на обходной маневр. Отсутствие инженерных сооружений делало перспективу весьма соблазнительной. Но был ли он смертельно опасным для русской армии? Скорее всего, что нет. Более того, одновременное с выходом противника разворачивание фронта русского левого фланга к морю, действительно стирало всю выгоду маневра Боске, превратив, как и предполагалось, фланговые атаки в фронтальные.

К тому времени, когда полковник Ракович действительно заметил движение противника, на Улуккульское плато поднялась почти вся дивизия Боске (около 7000 человек), но без артиллерии, которая совершала тяжелый подъем по оврагу. При этом к деревне Аклесс уже двигались бригада генерала Буа (около 3500 человек) и турецкие батальоны (около 6000 человек), нависая над левым флангом русской армии.

Естественно, увидев такую массу противника, подполковник Ракович немедленно отвел свой батальон, обстреливаемый с моря, от деревни Аклесс почти на километр, заняв позицию у Орта-Киссек, и отправил одного за другим трех ординарцев с требованием помощи. Позднее он уверял, что отправил первого офицера еще при подходе французов к Альме, и при этом был так настойчив в своих раздаваемых налево и направо интервью, что, кажется, сумел убедить в истинности своих слов всех, кроме тех, кто был в сражении. Мнение, о Раковиче, как «первым начавшим дело», пошло гулять по страницам изданий и продолжает свой путь по ним до наших дней.

Ф.И. Приходкин отрицает это, свидетельствуя, что «...честь первого выстрела ошибочно приписывали 2-му батальону Минского полка». Он определяет время начала сражения - 11.30, когда артиллерия восьми пароходов союзников начала обстрел левого фланга русской позиции, давая возможность дивизии Боске и турецким батальонам закрепиться на плато.

Огонь корабельных орудий, который велся по площадям, а не по фиксированным целям был малоэффективен, и носил характер больше моральной, чем действительно огневой поддержки.

Во-первых, дистанция предельного выстрела корабельной артиллерии англо-французского флота не позво-

ляла накрыть войска левого фланга, так как расстояние до позиций русской пехоты составляло около 2000 метров, при почти такой же предельной (но не эффективной) дальности огня морских орудий. Оптимальной же для морской артиллерии союзников дальности стрельбы по береговым целям была дистанция, не превышающая 1500-1800 м., что с учетом удаленности от береговой черты кораблей союзников (в среднем от 200 до 400 м.), могло позволить им вести огонь только по батальону Минского полка, расположенному у деревни Аклес. В середине XIX века технические возможности артиллерии позволяли вести огонь только по визуально видимой цели. Стрельба по невидимой, но визуально наблюдаемой цели была невозможна. Кстати, в британской артиллерии вплоть до первой мировой войны стрельба с закрытых позиций оставалась весьма непопулярной. Для окончательного уточнения этого вопроса был отправлен запрос в Великобританию в Общество Исследований Крымской войны. В полученном ответе говорилось, что в этот период развития артиллерии в Англии производились опыты корректирования огня корабельных орудий с берега при помощи сигналов, но они не выходили за рамки экспериментов.

В 1864 году, лондонская «Таймс» первой поставила под сомнение эффективность артиллерии флота при стрельбе по столь удаленным целям. Британцы вполне разумно считали, что в действительности под прикрытием флота был обеспечен только выход бригад Боске на плато. После этого флот оставался пассивным наблюдателем сражения, которое, с кораблей, и видеть то полностью не могли.

Поэтому для того что бы «...туча ядер с моря в считанные минуты уничтожила Минский полк...», флот должен был стрелять: во-первых, по невидимой цели, во-вторых, через головы французской и турецкой пехоты, что как-то, мягко говоря, сомнительно и, в-третьих, на дистанцию более 3 км. Лучшее подтверждение этому можно найти у противника. В «Истории королевской артиллерии» полковника Джулиана Джоклайна, по поводу значительных потерь Минского полка говорится следующее: «...не корабельные орудия наносили опустошение. Французская артиллерия, поднявшись на высоты, и, будучи на редкость прекрасно обученной, уничтожала колонны, хотя почти вне зоны ви-

димости...».

Исходя из вышесказанного, упомянутая фраза может свидетельствовать об откровенном обмане общественности или командования, с целью оправдания поражения.

Позиция кораблей была растянута почти на 1500 – 2000 метров, что также не способствовало созданию должной плотности огня.

И, наконец, в зоне досягаемости огня корабельной артиллерии находился, и то весьма непродолжительное время, только 2-й батальон у деревни Аклесс. Но, как известно, при первых выстрелах корабельной артиллерии подполковник Ракович отвел его к деревне Орта-Киссек и больше ни на одной из позиций ни один из батальонов Минского полка не был в зоне досягаемости огня орудий кораблей союзного флота. Возможно, конечно, что отдельные рикошетирующие снаряды долетали до полка, но говорить об успешном поражении русской пехоты – бессмысленно.

Тот, кто сам должен был по логике стоять под этим «градом ядер» - Ф.И.Приходкин подтверждает это, указывая, что огонь кораблей велся по «высотам нашего левого фланга», но не по войскам левого фланга. С мнением Ф.И.Приходкина соглашается и Т.Декин (США), считающий, что сражение началось с открытием малоэффективного артиллерийского огня. Легенду о «все истребившем» огне с кораблей с удовольствием используют многие. При том не думают о собственном противоречии. Так, Н.Дубровин, утверждая, что русские полки были удалены на две версты от берега, тут же приводит слова Кирьякова о том, что на этом расстоянии Минский и Московский полки были «поражаемы шрапнелевой картечью» корабельных орудий. Комментировать трудно, но вот вопрос об элементарной военной образованности некоторых русских командиров дивизий возникает...

В 11 часов Минский полк по приказу князя А.С. Меншикова, лично прибывшим на левый фланг, был выдвинут генералом Кирьяковым на левый фланг русской позиции. Приказ был получен командиром 17-й дивизии на позиции Тарутинского полка, куда главнокомандующий прибыл, лично убедившись, что неприятель начал обходное движение. Генерал Кирьяков прибыл к Минскому полку и передал приказ полковнику Приходкину начать движение, одновременно направив один из батальонов (4-й подполковника Матвеева) к подполковнику Раковичу.

«Минский полк тронулся из резерва всеми тремя батальонами, а потом разделился и пошел по двум направлениям: 1-й и 3-й батальоны направились к левому флангу Московского полка, а 4-й батальон к своему 2-му батальону в Улуккульскую долину. Вместе с Минским полком была вызвана из главного резерва легкая №5-го батареи 17 артиллерийской бригады. Эта батарея обогнала Минский полк на марше и вынеслась на позицию к левому флангу Московского полка, оставляя интервал в который потом вступил 1-й батальон Минского полка. 3-й батальон

стал левее батареи. 4-й пришел ко 2-му батальону в Улуккульскую долину».

Таким образом, пройдя около 2-2,5 км, 1 и 3-й батальоны, вместе с командиром полка полковником И.Приходкиным подошли к позиции Московского полка генерал-майора Куртьянова, составив с его тремя батальонами одну линию. Затраченное для маневра время дорого стоили русской армии: на плато вышли все силы бригады Буа, с одной из батарей (6 орудий) и турецкие батальоны, выстроившись в боевую линию.

«...Минский полк, бывший до того времени в резерве, должен был пройти до места боя почти три версты, то по прибытии его к левому флангу Московского полка, уже почти вся дивизия Боске и турецкие войска были на высотах левого берега. Бригада Буа и турки успели уже подняться в это время на плато и расположились позади и правее бригады Отамара, несколькими уступами». Постепенное наращивание французами сил на плато приобретало угрожающий характер, и только отсутствие должного

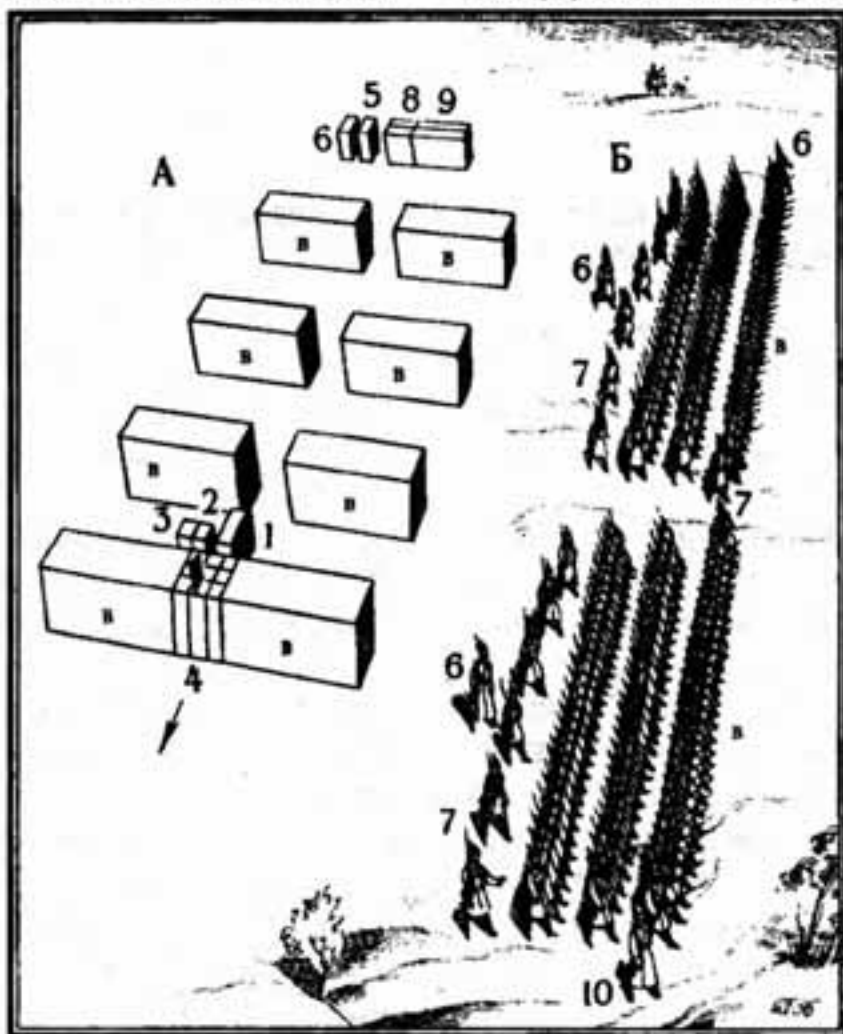
количества артиллерии сдерживало их от активных действий.

Московский пехотный полк и батарея № 4 выдвинулись по личному приказу князя Меншикова несколько ранее. Приходкин вступает в полемику с генералом Э.Тотлебенем, утверждавшим, что Московский полк был выдвинут из резерва когда батальон подполковника Раковича уже вел перестрелку. Увы, доверившись не всегда точным свидетельствам некоторых очевидцев сражения, прославленный военный инженер не совсем прав. Если бы к этому времени 2-й батальон вел перестрелку с неприятелем, это могло означать лишь одно: французы и турки не просто охватили фланг, они обошли русскую армию, вышли ей в тыл и до катастрофы остаются считанные минуты.

Вслед за Минским полком «...вынеслась на позицию Донская № 3 батарейная батарея, находившаяся до этого времени за центром армии, и расположилась левее 3-го батальона ...полка».

Это противоречит версии генерал-лейтенанта М.Богдановича, труд которого часто используется исследователями Крымской войны. По его, не совсем точному утверждению, «...Прибывший по распоряжению главнокомандующего в помощь Минскому батальону, 4-й батальон Московского полка, с 4-й и 5-й легкими батареями 17-й артиллерийской бригады, способствовал подполковнику Раковичу не только отступить в порядке, но и удержаться на позиции у Орта-Киссек». К сожалению, такие детали иногда запутывают правильное понимание и оценку происходившего на Альме.

С этого времени построение русской армии приобрело осмысленный характер, образуя почти прямой угол, левую сторону которого составляли Минский и Московский полки. Генерал Вунш описывал позицию, как «...шедшую дугой к морю; следовательно, левый фланг наш был загнут». Фланги опирались на центр, располагавшийся в районе дороги на Севастополь у Телеграфной высоты. Он был надежно прикрыт огнем артиллерии (две батареи, англичане

Батальон в колонне для атаки

Минский пехотный полк в сражении при р.Альме (А), построение роты для атаки (Б), взводы (В). Командир батальона (1), батальонный барабанщик (2), штаб-горнист (3), знаменный расчет (4), горнист (5), ротные барабанщики (6), командир роты (7), ротные подразделения (8), ротные подразделения (9), командир роты (10). Рис. из книги И.Ульянова «Регулярная пехота. 1801-1855», М., 1997г.

называют их «придорожными» или «тротуарными»), и двумя полками пехоты (Тарутинским и Бородинским). Еще одна батарея, находившаяся рядом с Московским полком, вела огонь по подходившей дивизии Канробера. Только убедившись, что противник действует именно так, как он предполагал, и, более того, видя, что англичане не слишком торопятся, князь А.С.Меншиков не только отправил к Минскому полку артиллерийскую батарею (№ 5), но и перебросил туда батарею с правого фланга (Донскую №3 батарейную полковника Ягодина).

Несколько слов о роли командира 17-й дивизии генерала В.Кириякова. Несомненно, что на него переложили в большей части незаслуженно вину в поражении всей русской армии при Альме. При этом обвинили во всех смертных грехах. Конечно, Василий Яковлевич Кирияков несет часть ответственности за случившееся. Им было допущено несколько ошибок, происхождение которых в большей степени проистекает от свойственной многим из русского генералитета военной безграмотности. Но он все сражение находился при войсках, пытался руководить ими, хотя и неумело. В его характеристике Альминского сражения, приведенной Н.Дубровиным в «Материалах для истории Крымской войны» огромное количество противоречий. Но все же, отдадим ему должное, он первым назвал Альминское сражение «частным делом полков», при том, что «...цель и связь в действиях наших войск исчезли». По сути дела это прямое обвинение А.С.Меншикова, как главнокомандующего, в личной ответственности за поражение. Естественно, влиятельный придворный не мог простить такого. Участь главного виновного была для генерала Кириякова предрешена – на него «списали» все.

Резервные батальоны Брестского и Белостокского полков играли явно второстепенную роль, и, вероятнее всего, судя по их расположению, ни князь А.С.Меншиков ни, тем более, генерал Кирияков ими не занимались. В итоге, невнимание, в результате которого построенные в ротные колонны, далеко не самые качественные по составу батальоны, заняли, растянувшись более чем на километр, пространство перед и между Тарутинским и Бородинским полками, сыграло одну из роковых ролей альминской драмы. Создается впечатление, что эти батальоны, были совершенно никому не нужны, их просто не знали куда деть, в итоге поставив именно туда, где это имело наименьший смысл, но наибольшие негативные последствия. Стоять под откосами южного берега Альмы, как перед расстрельной стенкой, у них не было ни малейшего желания.

Легкая № 5 батарея 17-й артиллерийской бригады была первой из русских, произведшей артиллерийские выстрелы по неприятелю в Альминском сражении. Когда батальоны Минского полка вступили в боевую линию, эта батарея, занимая самое возвышенное место, уже активно действовала. После этого левый фланг русской армии составляли три артиллерийские батареи и два пехотных полка (без одного батальона Московского полка). Минский полк имел построение в одну линию по-батальонно в соответствии с «Воинским уставом о пехотной службе» (1831 г.).

В стометровом интервале, отделявшем 1-й батальон минцев от 11-й и 12-й рот Московского пехотного полка (который был построен по-полубатальонно), находился командир Минского полка, его ординарцы: капитан Колоян, штабс-капитан Вяземский, а так же поручик Приходкин, полковой жалонерный офицер.

На правом фланге Минского полка стоял 1-й батальон, за ним в 150-200-метровом интервале стояли пушки полковника Кондратьева, «действовавшие как на учении», потом 3-й батальон и Донская батарея. 2-й и 4-й батальоны без артиллерии находились в 500 метрах. Разрыв между

ними и остальным полком был прикрыт цепью стрелков. Эти батальоны действовали совершенно самостоятельно и все время своего пребывания в строю, полковник Приходкин их действиями практически не руководил, но связь поддерживал. Штуцерные, под командованием прапорщика Полонского, действовали перед фронтом полка.

Как только Минский полк вошел в зону ружейного огня французской и турецкой пехоты по нему был открыт ураганный огонь. Однако преимущество русских в артиллерии, при почти полном, но, увы, временном, отсутствии оной у противника, позволило в течение часа сдерживать продвижение неприятеля. Военный историк из США Т.Декин, считает, что в Альминском сражении французы использовали тактику, разработанную еще в годы наполеоновских войн. Не хочу обидеть французов, учитывая их решающую роль в сражении при Альме, но, вероятнее всего, им удавалось сохранять определенный порядок только в начале боя. Учитывая укоренившееся правило французской пехоты не идти в атаку, если она в достаточной мере не подготовлена огнем артиллерии и ружейным огнем, оказавшись без поддержки безнадежно отставших пушек, батальоны противника приняли самое разумное решение: прикрывшись густой цепью стрелков, они завязали огневой бой «...испытывая серьезные затруднения в доставке артиллерии».

В течение ближайшего часа помыслов идти в атаку у французов не было и не могло быть. «...Атаковать с фронта пехоту, предварительно нерасстроенную, всегда считалось делом весьма трудным... Самая храбрая пехота, проходя 450 шагов под убийственным огнем, понесет такой урон, что не в состоянии будет бороться с неприятелем, готовым встретить ее». При Альме французы на практике реализовывали принцип поддержки пехоты в ходе сражения – артиллерия сильна лишь при массовом ее применении. Хотя, ожидая прибытия пушек, французские пехотинцы и не вели активных наступательных действий, в тоже время, пользуясь преимуществом в стрелковом оружии, старались нанести максимально возможные потери русским. Очевидцы отмечают постоянное давление стрелковых цепей французов на русских.

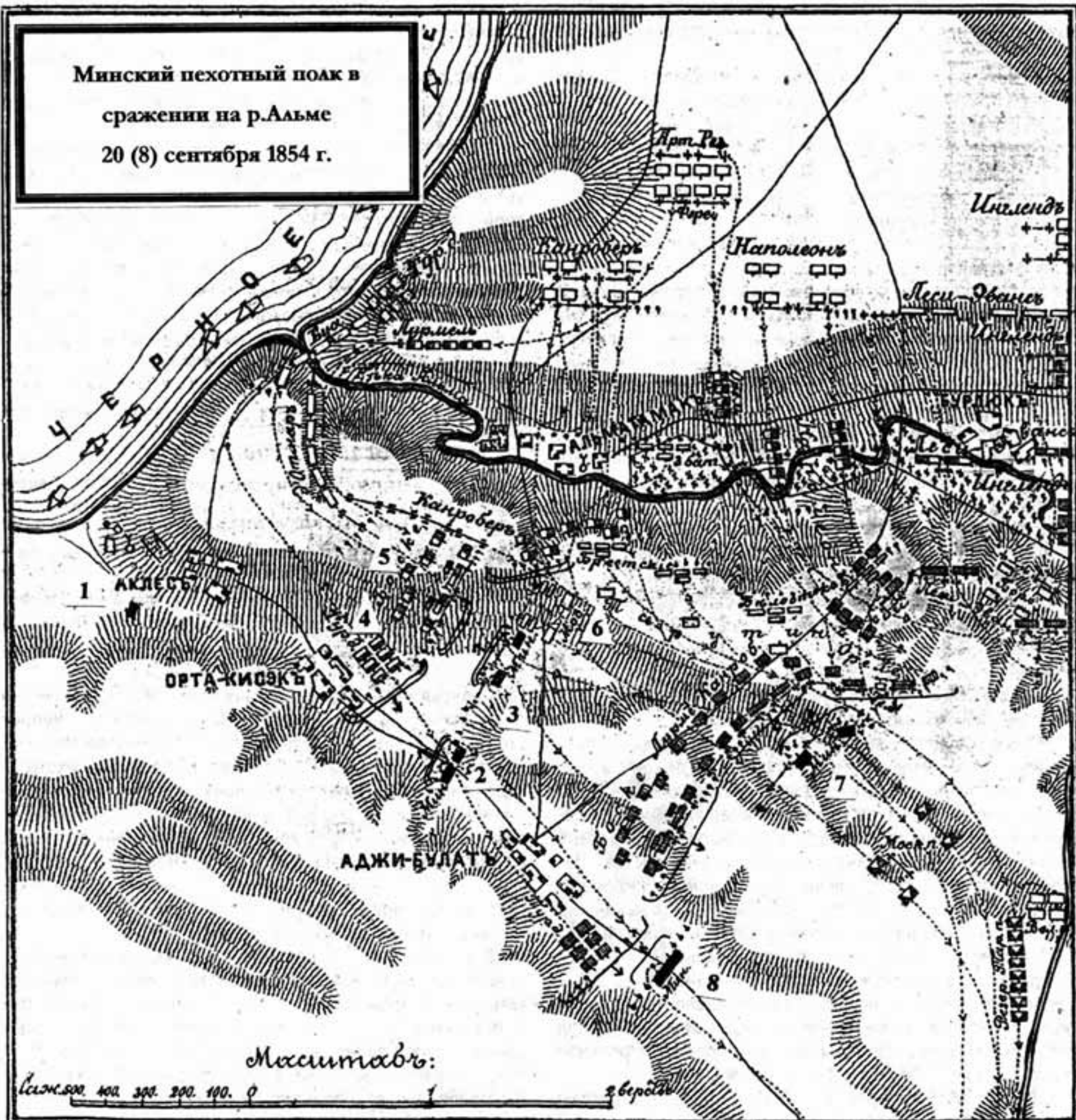
В это время начиналась сумятица, вызванная настойчивым требованием князя Меншикова генералу Кириякову немедленно атаковать и отбросить французскую пехоту. В различных источниках нет единого мнения по этому вопросу. Достоверно ясно только одно: оно было проигнорировано командиром Минского полка. В тоже время Э.Тотлебен пишет о попытке атаки.

«...по прибытии Минского полка сделана была нами попытка сбросить французов штыками с занятых ими высот; но французы, уклонившись от рукопашного боя, встретили нашу атаку картечью и градом пуль стрелковой цепи и развернутых батальонов. Не будучи в состоянии без огромных потерь пройти густой град пуль, метко поражавших наши войска, левый фланг, по необходимости должен был отказаться от удара в штыки и ограничиться одной только пассивной обороной».

Одни утверждают, что полковник Приходкин отказался атаковать неприятеля, понимая всю бесплодность этих действий и не желая понапрасну губить своих людей. Возможно, что только это остановило генерал-майора Куртьянова, командира Московского полка после того, как две его гренадерские роты попытались сблизиться с французскими стрелками, но в итоге были буквально растерзаны, не пройдя и двух сотен шагов, а сам он ранен в руку.

Ситуация стала меняться, когда в действие вступила, подошедшая приблизительно через час, после начала подъема 2-й дивизии, дивизия генерала Канробера, выбившая русских стрелков, моряков, саперов и батальон

Минский пехотный полк в
сражении на р.Альме
20 (8) сентября 1854 г.

Черт. Н. Кононов.

Лит. А.Ф. Маркова, Невский, 3.

Цифрами на схеме показаны:

1. 2-й батальон Минского пехотного полка у деревни Аклес, выставленный для наблюдения за подходами со стороны моря.
2. 2-й и 4-й батальоны Минского пехотного полка после образования боевой линии.
3. 1-й и 3-й батальоны Минского пехотного полка после образования боевой линии.
4. Турецкие батальоны.
5. 2-я французская дивизия генерала Боске (бригады Буа и Отамара) после построения боевого порядка и начала перестрелки с Минским полком. Слева виден путь подхода артиллерии 1-й дивизии генерала Канробера.
6. 1-й, 2-й и 4-й батальоны Московского пехотного полка.
7. Последнее место боя 1-го и 3-го батальонов Минского пехотного полка и путь его отступления. В этом месте был ранен командир полка полковник Приходкин. Хорошо видно, что в этот момент ему приходилось отбивать атаки с трех направлений. В данном случае можно не комментировать проблемы, вызванные уходом с позиции Тарутинского полка.
8. Последняя позиция 2-го и 4-го батальонов Минского пехотного полка. 2-й батальон все сражение противостоял туркам.

Московского полка из альматамакских виноградников. По просьбе Боске, генерал Канробер отправил к нему на помощь всю свою артиллерию (пример отличного взаимодействия в отличие от организованного А.С.Меншиковым). Когда четыре батареи 1-й дивизии (24 орудия) присоединились к двум (12 орудий) имевшимся у Боске, лично и со знанием дела расположенными начальником артиллерии 2-й дивизии Барралем, они открыли огонь по Минскому полку.

Оставшийся почти без артиллерии командир 1-й дивизии оказался заложником ситуации, которую сам создал. Еще в начале сражения, Канробер, попав под сильный огонь перед русской позицией, попросил «взаимы» у Боске одну из артиллерийских батарей (капитана Фавье), которая, развернувшись перед боевыми порядками дивизии между Бурлюком и Альматамаком начала обстрел русской позиции, готовя атаку пехоты. Эта атака стала «...первым действием французов, изменившим расположение частей нашего левого фланга», вынудив роты 3-го батальона Московского полка отступить на левый берег Альмы.

«С этой минуты, как мы должны были отказаться от надежды сбросить Боске и турок за реку, возможность удержаться на левом фланге была более нежели сомнительна». То, что Боске так легко «расстался» со столь необходимыми ему пушками, можно объяснить не столько «широтой французской души», а, прежде всего, тем, что Улуккульский овраг, единственный доступный путь на плато, еще не просохший после недавних дождей, оказался забит орудийными упряжками, которые с титаническими усилиями артиллеристы и стрелки втаскивали на возвышенность. Барралю пришлось приложить недюжинные организаторские способности, что бы поспеть на помощь пехоте в самый нужный момент.

Пользуясь тем, что британская пехота не спешила войти в зону артиллерийского огня, на дивизии Канробера сосредоточили огонь две батареи, расположенные у дороги на Севастополь, и батарея, находившаяся с Московским полком. Оказавшись не в самом лучшем положении, командир 1-й дивизии в корректной форме, но весьма настойчиво, потребовал от союзников немедленного вступления в бой на своем участке, предупредив о самых негативных последствиях, возможных в случае дальнейшей задержки ими действий в центре.

Будем объективны: британцы уже в ходе боя ни в чем не подвели французов. С началом своей атаки они сами находились в крайне затруднительном положении, страдая от огня русской артиллерии и встретив на своем пути неприятный сюрприз от русских саперов в виде горящего Бурлюка. Более того, к чести британцев, им удалось сломить оборону русских только дивизиями первой линии, в единственном случае используя вторую. А так как «статистика знает все», то для тех, кто будет возражать против этого, могу привести данные по расходу боеприпасов к стрелковому оружию в английской пехоте. Солдаты 3-й дивизии сделали в общей сложности 47 выстрелов, 4-й – ни единого!

Этот момент можно с уверенностью назвать переломным в сражении на Альме. Вместо выведения на позиции резервов и усиления давления на находившегося на плато Боске, увеличения общего числа батарей в центре, где уже была поколеблена уверенность французов в грядущем успехе, князь А.С.Меншиков фактически устранился от управления ходом сражения, предоставив командование частным командирам. Отсутствие централизованного управления войсками в сражении позволило впоследствии генералу Л.Кишинскому написать: «День 8 сентября останется участвовавшим в нем навсегда памятным своим беспорядком и поучительным относительно неумения вы-

бирать главных начальников».

К этому времени французы подняли на плато всю артиллерию. Орудия, едва поднявшись, разворачивались и открывали огонь. Ситуация стала меняться не в лучшую для Минского полка сторону. «...Сильный анфиладный огонь артиллерии и пехоты дал другой поворот сражению...». Перед Минским полком появилась первая из батарей Канробера, приведенная начальником артиллерии 1-й дивизии Хугенетом, артиллеристы которой сразу же стали наносить ощутимые потери русской пехоте и, особенно, артиллерии.

В батарее №4 были выбиты не менее половины орудийных расчетов (48 человек из 100), и более половины лошадей, но на просьбу, обращенную генералу Куртьянову, выделить хотя бы взвод для помощи артиллеристам, был получен категорический отказ. Понимая, что, оставаясь на этой позиции, он может вслед за людьми потерять и пушки, командир батареи начал отводить их назад.

С подобной просьбой обратились с не менее пострадавшей Донской батареей, командир которой полковник Ягодин был к тому времени тяжело ранен пулей в грудь и вынесен с поля боя, а командование принял есаул Поздеев. Ответ был аналогичным. Этот факт, иногда упоминаемый в различных источниках, к сожалению, не развит исследователями. Теряя людей, русская артиллерия постепенно теряла то, что уравнивало ее с неприятельской – мобильность.

Неся потери, два русских полка вместе с артиллерией вынуждены были отойти на 400-500 метров, прикрывшись складками местности. Их позиции были немедленно заняты французами. Отдадим должное неприятелю: его стрелки, едва только русские отходили, немедленно занимали отвоеванное пространство, вцепившись и не отпуская минцев и москвичей.

Примерно в это же время резервные батальоны Брестского и Белостокского полков покинули свою позицию и начали уходить с поля боя. На это их спровоцировало не только бессмысленное, как казалось многим, стояние под пулями (на самом деле их никто и не видел за дымом от горящей деревни), а в большей степени еще и то, что в момент атаки дивизии Канробера и подошедшей дивизии принца Наполеона, генерал Кирьяков (тот самый, который по укоренившейся легенда все сражение просидел а овраге), развернул имевшуюся под руками артиллерию, открывшую огонь через головы своей пехоты. Это было не совсем положительно воспринято брестцами и белостокцами, незамедлительно начавшими отход.

На резервистов, и без того напуганных свистящими над их головой снарядами, повлиял и вид отходящего от горящего Бурлюка, под прикрытием огня орудий, 3-го батальона Московского пехотного полка. Перспектива сражаться в первой линии не слишком воодушевляла, собранных с миру по нитке и вооруженных еще кремниевыми ружьями, солдат резервных батальонов. Я думаю, что их состояние можно с уверенностью назвать единственным словом – деморализация.

Вид беспорядочно уходящих резервистов не добавил боевого энтузиазма солдатам Тарутинского полка, тут же снявшимися с позиции и двинувшимися вслед за ними. Кстати, комментируя уход тарутинцев, Владимир Бейтнер использует слово «трусость». По его мнению, они даже «не закоптили ружей». Брешь, образовавшаяся в результате отхода нескольких русских полков в центре, составила более 1400 метров! Ее пытался прикрыть единственный Бородинский полк.

Как следствие через полтора часа после начала сражения центр русской позиции оказался совершенно открыт, а «...перевес в силах на стороне неприятеля был

уже слишком большой и оторванный от армии Минский полк оказался в затруднительном положении. Не получая никакой помощи, которой, впрочем, не из чего было дать, так как для этого пришлось бы вернуть отступившие батальоны, и находясь в наибольшем удалении от резерва в 3 ½ верстах в стороне от пути наступления, полк не получал никаких приказаний, кроме того, опасаясь, что на позиции отступивших резервных батальонов и Тарутинского полка мог появиться неприятель, и, угрожать тылу Минского полка, полковник Приходкин послал к генералу Кирьякову ординарца, доложить, что полк одной линией батальонов держаться на первой позиции не может и должен передвинуться ближе к армии. Вместе с этим было разослано в батальоны приказание отступить. За Минским полком последовали три дивизии неприятеля...».

Этот момент подробно описан французским историком и участником Альминского сражения в должности саперного офицера 1-й дивизии, Леоном Гереном в книге «Histoire de la Dénier de Russie 1853-56». Он говорит об отходе минцев, как отступлении всего левого фланга.

Канробер, находившийся в это время в районе Белой фермы, не преминул воспользоваться изменившейся обстановкой, надеясь нанести удар во фланг Минскому и Московским полкам. На правом фланге русской позиции Владимирский пехотный полк выбил из захваченного укрепления английскую бригаду Кодрингтона Легкой дивизии генерала Брауна, нанеся ей жестокие потери и отбросив ко второй линии.

Видя стойкое сопротивление русского левого фланга и центра, не дающее возможности двум французским дивизиям окончательно выполнить свою задачу, а также до сих пор не удавшуюся окончательную попытку британцев разделаться с продолжавшими сопротивляться остатками Владимирского и частично Казанского полков, маршал Сент-Арно отдал приказ 3-й дивизии принца Наполеона развернуть фронт влево. Для ее усиления была вызвана из резерва конно-артиллерийская батарея. Одновременно последовал приказ Канроберу и Боске - усилить давление на Минский и Московский полки.

В бой была введена 4-я дивизия генерала Форе, подходившие бригады которой (генералов Ореля и Лурмеля) получили приказ поддержать Канробера, им же придавалась вся, еще остававшаяся в резерве артиллерия.

Две дивизии французов и турецкие батальоны не могли отбросить два русских пехотных полка, которые маневрируя батальонами, то ложась, то вставая, прикрываясь артиллерийским огнем, упорно не желали последовать примеру Тарутинского полка, брестских и белостокских батальонов.

Солдаты Минского и Московского полков довольно быстро принаровились использовать складки местности и подпуская стрелков противника на расстояние действи-

тельного огня наносили им чувствительные потери. Один из участников сражения рядовой 1-й гренадерской роты Московского пехотного полка Павел Таторский вспоминал: «...Позиция наша была на левом фланге против маяка, на горе, - тут, значит, стояли Московский и Минский полк. Человек с двадцать наших засели и в самом маяке. Ну, на нас большая часть лезли французские лезгуавы, кои и были три раза сгоняемы штыками, доколе не заехала нам в зад артиллерия. Тут на горе нам очень ловко было, потому: за горою-то ему трудно пущать в нас ядра и картечи, а нам чуть из-за горы покажется человек десять, двадцать, сейчас побежал, щелкнул и назад; за горкою заряди и опять дожидаться. Часто даже до того, что спорилось: «дай, говорит, я его пристрелю», а тот себе: «дай, как я его щелкану».

В зависимости от направления атаки противника минцы и москвичи разворачивали фронт, помогая артиллеристам быстро менять позиции. Великолепные результаты показала артиллерия. Ее огонь удерживал на почтительном расстоянии французскую пехоту, отбивая у нее картечью и гранатами малейшее желание сблизиться, вызывая у противника если не страх, то уважение. Барон Базанкур в своей книге «L'Expedition de Crimée» подробно перечисляет поражения, которые наносила французам русская артиллерия у Телеграфной высоты в последней фазе сражения.

Фельдфебель 1-го полка зуавов дивизии Канробера Флери был поражен в лоб картечью; древко у знамени того же полка было разбито осколком гранаты. Знаменосец 39-го полка (бригады Ореля) Путавен, при водружении на телеграф знамени своего полка был поражен в грудь ядром. Генерал Канробер был ранен осколком гранаты в плечо и в грудь в то самое время, когда разговаривал с генералом Орелем. Это был результат стрельбы 5-й легкой батареи, находившейся интервале между 1-м и 3-м батальонами Минского полка.

Будущий Великий канцлер ордена Почетного Легиона, а тогда капитан зуавского полка, Феврие чудом уцелел, отделавшись расколотой коленной чашечкой, после того, как его лошадь была буквально разорвана русской гранатой. Один только Маршевый батальон Иностранного батальона при атаке Телеграфной высоты потерял 60 человек (включая 5 офицеров) убитыми и ранеными.

Известный французский писатель Гектор Мало, в качестве добровольца служивший в пехоте Иностранного Легиона, писал впоследствии, как во время сражения при Альме, при движении в атаку, он, увидев красивый цветок незабудки, росший в небольшой выемке, наклонился над ним, а в это время над его головой пронеслась с визгом картечь. Поднявшись, он с ужасом увидел, что все его товарищи или убиты или умирают от ран...

Нужно отметить мнение Кинглейка, считавшего, что основное, и самое яростное, сопротивление русские

Знамя 2 батальона Минского пехотного полка.

Рисунок из книги изданной в 1878г. «Оборона Севастополя. Беседы о войне 1853-1855гг. для войск и народа» А.Погосского. Явный лубочный вариант изображения Альминского сражения, которых множество появилось после Крымской войны. Обращает внимание наличие Георгиевской ленты на знамени, которую полк получил много позже окончания кампании 1854-1855гг.

оказали британцам у Курганной высоты, в то же время сопротивление встреченное французами в районе Телеграфной высоты было весьма незначительным. Эта, явно односторонняя, версия, ни в коей мере не может считаться соответствующим действительному развитию событий. «Французские описания, как видно, не давали покоя Кинглейку... Ему желательно, во что бы-то ни стало, доказать, что у Телеграфной высоты не было никакого серьезного дела...».

Совершенно противоположное говорит Э.Тотлебен: «...Минский и Московский полк потеряли оба до 1500 человек, они отступали в порядке, временам останавливались и открывали беглый огонь по неприятелю. Кроме того, они помогали легким №№ 4-го и 5-го батареям 17-й артиллерийской бригады, пострадавшим более других батарей. Эти батареи, лишившись большей части прислуги и лошадей, с рвением вывозили орудия на двух, а ящики на одной лошади. Во все время отступления они не переставали отстреливаться. Наконец левый фланг, остановившись у телеграфа, оказал французам последнее сопротивление, и только после упорной борьбы вынужден был окончательно уступить несоразмерному превосходству в силах».

Ошибка Кинглейка в том, что английский автор упорно считает ключевой точкой позиции русских войск Курганную высоту, хотя в действительности таковой являлась в большей степени высота с башней недостроенного телеграфа. Именно с нее должно было осуществляться управление сражением русским штабом, и после ее захвата практически рухнула оборона русской армии. По мнению А.Свечина: «...Лучшие боевые качества французов, двойной перевес сил (40 французских и турецких батальонов против 21 русского батальона) и поддержка судовой артиллерии естественно предопределили перенос тяжести активных действий против левого фланга русских. Союзники отжимали русских от моря, вместо того, чтобы опрокидывать их в море».

Правый фланг Минского полка уже был охвачен французами, когда бригада Ореля и несколько батальонов из дивизии Канробера, (инициаторами атаки были зуавы 1-го полка, которым, по образному выражению одного из офицеров, «...просто надоело шляться без дела») отчаянной атакой прорвались через завесу артиллерийского огня. Они полностью заняли Телеграфную высоту, но не смогли организовать новую атаку, вследствие неразберихи, что дало возможность полку выйти из-под удара.

Французская пехота «...подошла к реке, застала здесь две конные резервные французские батареи, помогла им перейти реку, сама перешла на левый берег Альмы, скинула ранцы ...» и отчаянной атакой прорвались через завесу артиллерийского огня, полностью заняв Телеграфную высоту. Эта атака была обречена на успех. Предоставивший французам такую возможность Тарутинский полк, сделал реальной возможность удара во фланг и тыл Минскому и Московскому полкам.

Поднявшийся к башне маршал Сент-Арно выслушал доклад своего начальника штаба генерала Мартенпре о том, «...что англичане, остановленные в своем движении грозной артиллерией, поражаемые убийственным огнем и угрожаемые огромными массами войск, испытывают серьезные затруднения при овладении назначенными им позициями». Мартенпре, мягко говоря, преувеличивал проблемы союзников, лаская слух своего начальника, и явно желая сгладить конфуз Канробера, совершенно недавно просившего помощи у лорда Раглана. К этому времени у британцев положение стабилизировалось, им удалось сломить сопротивление русских, даже не вводя, в отличие от союзников, в бой резервы. Сент-Арно распорядился отправить англичанам конную батарею из резерва, которая

по непонятным (но очевидным) причинам опоздала.

Командир Минского пехотного полка полковник Приходкин медленно отводил свои батальоны, при этом «...искал какую-нибудь часть левого фланга, к которой он мог бы присоединить свои батальоны. А так как до телеграфа и за телеграфом все наши войска отступили, то лишь только полк поравнялся с телеграфом, полковник Приходкин остановил батальоны, решаясь еще раз принять бой. Он приказал горнисту дать сигнал цепи застрельщиков «движение направо», что бы поставить ее против телеграфа. С тою же целью он приказал первому батальону податься правым флангом назад». Стоит обратить внимание, что, судя по направлению движения, Минский полк не отступал, а отходил, до последней возможности выполняя поставленную задачу. В случае если бы Приходкин принял решение оставить поле боя, двинувшись на юг, катастрофа на Альме имела бы непоправимые последствия. Без сомнения, что в этом случае был неминуем разгром Бородинского полка и всех войск правого фланга русских. В этом случае подвиг Минского полка стоит значительно выше бессмысленного истребления солдат Владимирского полка.

К этому времени на высоте у Телеграфной башни было установлено уже семь французских батарей (42 орудия), которые, по воспоминаниям Герена, громили русские батальоны, «...поражая их в тыл с обеих флангов». Ситуация усугублялась тем, что при меньшем числе орудий в батарее (6 у французов против 8 у русских), французская артиллерия имела больший калибр пушек и превосходила по дальности стрельбы, что позволило ей быстро стать хозяйкой положения на поле боя.

Не смотря на явное неравенство сил, полковник Приходкин решил отстаивать позицию, чтобы, по крайней мере, дожидаться посланного им к генералу Кирькову ординарца. До этого времени его «...стойкие солдаты продолжали удерживать свои позиции, не смотря на тяжелые потери».

Возникает еще один спорный вопрос, который, кажется, до сих пор не разрешен и в силу этого зачастую просто игнорируется исследователями. Суть его в том: так был или не был бой русской пехоты возле Телеграфной башни или она просто прошла мимо нее, задержавшись только для того, чтобы отбиться от наседавшей французской пехоты? Если верить Кинглейку, то именно так и было. Минский и Московский полки безостановочно проследовали мимо башни, занятой к тому времени бригадой Ореля, а затем и вовсе покинули поле сражения. Здесь Кинглейк, лукавит. Цель очевидна: лавры победителя должны достаться лорду Раглану и исключительно его военному таланту.

Отсюда вполне осмысленный ход английского писателя: прославление противника в лице Владимирского пехотного полка, потерявшего в бесспорно героической, но столь же, бесспорно, бессмысленной схватке с британцами более половины личного состава и (нет, ни в коем случае, никаких претензий к союзникам), но и никаких упоминаний о серьезном сопротивлении на левом фланге. Хотя если говорить о статистике, то из более 300 погибших британских пехотинцев, не менее 80 были убиты в центре русской позиции огнем двух батарей и в схватке с Бородинским полком. Только 95-й пехотный Дербиширский полк потерял около 50 человек убитыми. Чувствительные, хотя и не такие значительные, потери понесли 55-й пехотный Уэстморлендский и 30-й пехотный Кембриджширский полки.

К сожалению, в современных сочинениях о Крымской войне Минскому полку (равно и Московскому, Бородинскому) отведено не столь значительное место, как, например, Владимирскому пехотному. Это совершенно неправильно, учитывая, что действия у Телеграфа были не менее оче-

сточенными и намного результативнее, не говоря уже об их большей осмысленности. Наверное, и одна из целей этой статьи – попытаться восстановить историческую справедливость.

Современные исследователи, не понятно на чем основываясь, в большинстве случаев, считают работу британского журналиста Кинглейка чуть ли не энциклопедической. В итоге то, что было на виду (на британском фланге), популяризировано, увековечено и вошло во все сочинения. А то, что было не замечено (явно не случайно) летописцем лорда Раглана, «маленьким Тьером», по образному выражению А.Свечина, но, тем не менее, более весомо по своему значению, и поныне остается в тени.

К чести английских ветеранов кампании в Крыму, далеко не все из них поддерживали мнение и тон победной реляции писателя. Так, один из британских офицеров, участников сражения на Альме, в 1863 году написал в адрес Кинглейка письмо, в котором обвинил его в искажении фактов, в частности и о том, что действительно происходило у самой башни телеграфа и внутри ее. Отстаивая справедливость, он говорит, что, будучи там после сражения, собственными глазами видел множество убитых и раненых русских и французских солдат, расположение которых свидетельствовало о крайне жестоком бое. Автор письма обвиняет Кинглейка в том, что он приводит воспоминания только тех русских, которые ему выгодны, «...мнение которых совпадает с его личным мнением...» и совершенно игнорирует мнение французской стороны. Вот и получается, что «...достоинства противника подчеркиваются лишь в одном случае: если это может придать дополнительный вес собственным достижениям».

Попытка французов, воодушевленных поддержкой долгожданной артиллерии, атаковать Минский полк с Телеграфной высоты была встречена ружейным огнем. Воспользовавшись замешательством противника, остановившегося и расстроившего свой порядок, командир полка нанес удар своими двумя батальонами в самый благоприятный для этого момент. Избегая рукопашной, противник, бросился назад, преследуемый вошедшими в азарт минцами, остановить которых офицерам полка удалось с большим трудом. Не рискуя более добыть славу в штыковом бою, французы вновь предоставили право очистить поле сражения от упорных русских пехотинцев своей артиллерии. Сказалась выучка французских артиллеристов, благодаря которой «...задача пехоты стала сравнительно легкой». Положение русских вновь ухудшилось. Тот же Павел Таторский вспоминал: «...антилерия их, выходит, стала действовать нам в тыл, так и сыпет, как горох мелкий: тут я и был ранен вместе с капитаном двумя картечами в руку, где и упал без всякого движения».

В момент, когда полковник Приходкин подошел к выводимому из стрелковой цепи подпоручику (в другом источнике - прапорщику) Полонскому, разрывом гранаты последний был убит, а командир полка тяжело ранен, но остался при 1-м батальоне. Не в силах стоять на ногах от потери крови, он приказал подать ему барабан, сев на который, продолжал отдавать приказания.

Минский полк, не получая никаких сведений о положении дел в других частях, сам того не ведая остался одним из двух полков (вторым был Московский), которые не покинули поля сражения. Герен свидетельствует, что «...левое крыло до самого момента общего отступления держалось вокруг телеграфа, куда... оно было оттеснено генералом Боске; наконец и это крыло отступило вслед за прочими войсками...»

Вернувшийся ординарец (капитан Колоян), доложил, что не смог найти генерала Кирьякова, вся армия находится в отступлении, а Минский полк - один перед неприятелем.

Только тогда полковник Приходкин принял решение выводить полк с поля сражения. Был послан поручик Ф.Приходкин к командиру 2-го батальона подполковнику Раковичу, отозваны застрельщики и штуцерные.

После этого батальоны начали отступление, сохраняя «... такой порядок, какой только был возможен...». Командир полка отходил последним, поддерживаемый солдатом. Вскоре он был тяжело контужен ядром в ногу и потерял способность самостоятельно двигаться. Находившийся при нем солдат, не имея возможности вынести его в одиночку, побежал за помощью к командиру своей роты (1-й мушкетерской) штабс-капитану Супруненко. С помощью нескольких, выделенных ротным солдат, командир полка был вынесен из-под огня и отправлен на перевязочный пункт.

Полк организованно отошел к реке Каче. «...Пропустив мимо себя отступивший последним Минский полк, Волынский полк снялся с позиции и отступил за армией к реке Каче, в д.Эфенди-Кой». То, что Минский полк покинул поле сражения последним подтверждает и офицер штаба князя Меншикова лейтенант Стеценко: «...между тем, как войска центра и правого фланга находятся в полном отступлении от Альмы к Каче, видно, что войска левого фланга, отступившие со своих высот ранее, стоят, выстроившись между Качей и Альмой». Это констатируют и противники. Герен: «...левое крыло до самого момента общего отступления упорно держалось вокруг телеграфа, куда... оно было оттеснено генералом Боске; наконец и это крыло отступило вслед за прочими войсками». Отступая, Минский полк прикрыл отход Московского полка. Вместе же они, в чем можно согласиться с генералом Кирьяковым, обеспечили отход всей русской армии.

Потери Минского полка в сражении составили 856 человек (по списочным данным командира полка составленным при передаче должности) убитыми и ранеными. В том числе, только офицеров, 1-й батальон потерял выбывшими из строя полковника Приходкина, штабс-капитана Чернушенко (умер от ран 20 октября 1854 г. в Симферопольском военно-сухопутном госпитале), поручиков Журавлева и Воробьева, подпоручиков Косякина и Олендского, прапорщиков Иванова, Дмитриева, Полонского и Брунова.

Во 2-м батальоне: капитаны Видковский, Георгиевич, поручики Зражевский и Герцо-Виноградский, подпоручики Богаевский и Горшков, прапорщики Кацери и Макарович.

В 3-м: штабс-капитаны Рудковский и Маскевич, прапорщик Москули.

В 4-м подполковник Матвеев, капитан Волнянский, штабс-капитаны Тимошенко 1-й, Тимошенко 2-й и Салерий, поручик Волнянский, подпоручики Левицкий и Руже, прапорщики Талпа и Токарчук.

Большую часть потерь Минский (как и Московский) полк понес от огня артиллерии, перевес в которой у французов в заключительной фазе боя был подавляющим. По полкам действовали все пушки дивизий Боске, Канроббера, одна батарея дивизии принца Наполеона и две батареи резервной дивизии генерала Форэ. В 3-м батальоне все раны офицеров были нанесены гранатами или ядрами.

В тоже время, говоря о собственных потерях, просто нельзя не упомянуть и потери противника, что сделает вполне законченной картину действий Минского пехотного полка в Альминском сражении. С полной уверенностью можно говорить, что из 1092 раненых (59 офицеров) и 259 убитых (6 офицеров) французов, не менее 2/3 остались лежать перед фронтом Московского и Минского пехотных полков.

Ни один из источников не говорит о потерях турецкого контингента, а ведь именно с ним вели бой два батальона Минского полка и можно с уверенностью считать, что они были, и очевидно немалые. При Альме турок уже почти не считали, а потом перестанут считать совсем. Обращают на

себя внимание большие потери, понесенные 2-м и 4-м минскими батальонами. А ведь они действовали против турок. Возникает вопрос: а где же турецкие потери? Неужели их не было? Несомненно, что этот вопрос требует дополнительного исследования.

Генерал Форэ, объехавший после сражения, оценил потери 1, 2 и 3-й дивизий в 700-800 человек.

Минский пехотный полк стал третьим из русских полков (после Владимирского пехотного и Казанского егерского) по понесенным потерям, но первым по нанесенному урону неприятелю.

Имел ли полковник Приходкин шанс изменить ход сражения? Этот вопрос не имеет однозначного ответа. Но, можно предположить, что при условии удержания центра позиции и получения дополнительной артиллерии (хотя бы двух батарей), вполне вероятно, что французы оказались бы на плато в весьма неприятной ситуации, при которой поддержка флота стала бесполезной, а движение вперед сопровождалось тяжелыми потерями.

К сожалению, история обратного хода не имеет. Уход Тарутинского полка, резервных батальонов обнажил центр русской позиции. Потерявший контроль над ситуацией и не сумевший взять в свои руки управление войсками князь А.С.Меншиков не ввел в сражение почти ничего из оставшихся резервов. Владимир Бейтнер обоснованно считает, что главнокомандующий просто забыл о Минском полке.

Пассивность кавалерии, даже не обозначившей угрозу для неприятеля, развязала руки Боске. Хотя успех атаки кавалерии и мог быть достигнут только, вероятно, при действии на турецкие батальоны, вооруженные, как и русские войска, гладкоствольным оружием, не поддерживаемые артиллерией и укомплектованные далеко не лучшим человеческим материалом. Но демонстрационные действия, учитывая постоянно преследовавший противника «фантом» русской кавалерии, могли дать определенный эффект.

Причины поражения нужно искать не в том, что не была оборудована в инженерном отношении позиция. Французы все равно втащили бы на плато свою артиллерию. Да и

полное отсутствие шанцевого инструмента, о котором почти все авторы как-то стыдливо умалчивают, не позволило бы этого. Более того, привязав артиллерию к оборудованным батареям, Меншиков лишил бы ее одного из самых эффективных способов применения – подвижности.

Возможно, что правильный замысел русского главнокомандующего не был реализован по причине общего слабого уровня руководства войсками, отсутствием частной инициативы, продолжающейся пассивностью, которая преследовала русскую армию затем всю войну. Кстати, многие иностранные источники первой из причин поражения русской армии в Альминском сражении считают дезорганизацию управления войсками со стороны А.С.Меншикова и его штаба.

Поле сражения полк покинул без песен и музыки (как, например, одним из первых оставивших его безо всякого сопротивления, Углицкий), но организованно и полном порядке. Позднее генерал Вунш сказал: «Не могу не упомянуть здесь о Минском пехотном полку, который с отличным мужеством действовал во все время на левом фланге против сильного неприятеля; командир полка, полковник Приходкин, получив тяжелые раны, не оставлял своего места до последнего изнеможения». Ни одно из артиллерийских орудий, бывших с полком, не было оставлено противнику, не смотря на убыль в батареях, доходившую до половины.

Единственными трофеями, доставшимися неприятелю от Минского пехотного полка, стали несколько барабанов, которые поныне хранятся в музее 95-го Дербиширского полка и используются на ежегодной церемонии, проходящей в части 20 сентября в память о сражении на Альме.

За сражение при Альме, командиру Минского пехотного полка полковнику И.Ф.Приходкину, который вследствие полученных ран, не смог более вернуться в строй, было присвоено звание генерал-майора. За участие в обороне Севастополя Минский полк получил Георгиевское знамя

Никаких памятных знаков, увековечивающих память солдат Минского полка, на Альминском поле не было установлено.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА.

1. Приходкин И.Ф., Альминское сражение // Военный сборник, №11, 1874 г.
2. Гершельман С., Нравственный элемент под Севастополем // Военный сборник, № 2, 1874 г.
3. Брюнон. Ж, Маню Ж, Иностранный легион 1831-1955, М., 2003 г.
4. T.J.Deakin Tactical Triumph at The Alma// Military History, March, 1996
5. Руководства для обучения войск французской армии// Военный сборник, №5, 1870 г.
6. Соломонов Б., Соломонов П., Бомбардировка Севастополя. Взгляд с другой стороны//ФлотаМастер, №1, 2003 г.
7. Ульянов.И, Регулярная пехота 1801-1855 М., 1996 г.
8. Керсновский А.А., История русской армии, в 4-х т., Т.2, М., 1999 г.
9. Васильева Д.К., Военный корреспондент Н.П.Сокальский и его севастопольские герои//Историческое наследие Крыма, №6-7, Симферополь, 2004 г.
10. P.Mercer The Nails at Alma and Inkermann//Military Illustradet N73 1994 P.14-17
11. Свечин А.А., Эволюция военного искусства, в 3-х т., Т.2, М., 1928 г.
12. Федоров А.Г., История винтовки, М., 1929 г.
13. L.Delperier L, Artillerie du Second Empire: 1858-1860 Tradition N53 1991 P.10-15
14. Col. G.Gocelyu The History of The Royal Artillery London

- Part II P.149
15. Тарле Е.В., Крымская война в 2-х т., М.-Л., 1950 г., Т.2.
16. Дунаевский В.А, Чапкевич Е.И., Евгений Викторович Тарле: человек в тисках беззакония Трагические судьбы: репрессированные ученые Академии наук СССР, М, 1995 г.
17. Дюпюи, Р.Эрнест, Дюпюи, Тревор Н, Всемирная история войн, в 3-х кн., кн.3, СПб- М., 2000 г.
18. Ляшук П, Офицеры Российской армии, умершие от ран и контузий в Симферопольском военно-сухопутном госпитале в 1854-1865 гг.//Историческое наследие Крыма, №6-7, Симферополь, 2004 г.
19. Описание обороны города Севастополя, под ред. Генерал-адъютанта Э.Тотлебена Ч.1, СПб, 1871 г.
20. Эрр, Фредерик-Жорж, Артиллерия в прошлом, настоящем и будущем, М., 1941 г.
21. Заметка по поводу статьи «Из воспоминаний севастопольца» // Военный сборник, № №2, 1872 г.
22. Зайончковский А.М. Восточная война 1853-1856 в 2-х томах, том I, СПб, 2002 г.
23. Клаузевиц, Карл фон, О войне, 2-х томах, т.2, М., 2001 г.
24. Хибберт, Кристофер, Крымская война 1854-1855 г., М., 2004 г.
25. Дубровин Н., Материалы для истории Крымской войны, СПб., 1871 г.